

§12 РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА

Нунуев С.М.

РАДИКАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА В ДАГЕСТАНЕ: СУБЪЕКТЫ, ИНСТИТУТЫ, НОВЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

***Аннотация.** Предметом исследования являются параметры радикализации политического ислама в Дагестане. В статье выявлены субъекты, институты и новые проявления радикализации политического ислама в Дагестане за 2007–2016 гг. Особое внимание уделено соотношению и проявлениям факторов радикализации ислама : уровню экономического развития и качеству жизни, социальной дифференциации, рождаемости и миграции. На основе анализа анкетных опросов раскрыты проявления низкого доверия к органам государственной власти, консолидации исламской идентичности. Раскрыта динамика уровня и форм терроризма. Даны рекомендации в сфере контртеррористической политики. Статья подготовлена на основе неинституционального подхода, позволяющего выявить состав и иерархию статусов субъектов политики, их ресурсную базу и организационное строение. Применена конструктивистская парадигма религиозности, что дало возможность раскрыть целеполагание и дискурсивную суть формируемой элитами исламской идентичности. Установлена совокупность субъектов радикализации политического ислама в Дагестане: региональных правящих элит, традиционного духовенства, суфийских религиозных братств, салафитских сообществ, транснациональных террористических организаций. Выявлен преимущественно сетевой тип институционализации политического ислама . Определены новые проявления радикализации ислама в 2007–2016 гг.: транснационализация террористических группировок, размежевание умеренных и радикальных салафитов, рост влияния террористической организации «Хизб ут-Тахрир». Сделаны выводы о соотношении и причинно-следственных взаимосвязях факторов радикализации ислама в Дагестане.*

Ключевые слова: факторы, новые проявления, институты, субъекты, Дагестан, радикализация, политический ислам, причины, терроризм, противодействие терроризму.

Abstract. The subject of this research is the parameters of radicalization of political Islam in Dagestan. The actors, institutions, and new manifestations of radicalization of political Islam in Dagestan during the period of 2007-2016 are being revealed. Special attention is given to the correlation and manifestations of the factors of radicalization of Islam: the level of economic development and quality of life, social differentiation, birth rate, and migration. Based on the analysis of the surveys, the author underlines the indication of the low level of trust to the government authorities, as well as consolidation of Islamic identity. The author explores the dynamics in the level and forms of terrorism, as well as suggests recommendations in the area of counterterrorist policy. The constructivist paradigm of religiousness was being applied in this work, which allowed revealing purposefulness and discursive concept of the established Islamic identity by the elites. The author determines the group of actors of radicalization of political Islam in Dagestan: regional ruling elites, traditional clergy, Sufi religious brotherhood, Salafi communities, and transnational terroristic organizations. During the course of this research, primarily the network type of institutionalization of political Islam was being detected. The author determines the new manifestations of radicalization of political Islam during the period of 2007-2016: transnationalism of terrorist groups, dissociation of the moderate and radical Salafi movements, as well as growing influence of the Hizb ut-Tahrir terrorist organization.

Key words: counterterrorism, causes, terrorism, factors, new manifestations, institutions, subjects, Dagestan, radicalization, political Islam.

Актуальность темы статьи проявляется в том, что урегулировать насильственные конфликты, обеспечить прочный межконфессиональный мир на Северном Кавказе, включая Республику Дагестан, можно только на основе выявления новых тенденций политических процессов в регионе, их субъектов, институтов и проявлений, на основе научно обоснованной и последовательной государственной политики. Политизация, а затем и радикализация религий, в том числе – ислама, повысила за 1990 – 2010-х гг. угрозу терроризма и сепаратизма в России. Дагестан в силу многих долгосрочных причин является средоточием данной угрозы, и от эффективного противодействия терроризму именно в этой республике зависит стабилизация всего Северного Кавказа.

Степень научной разработанности темы высока, но неравномерна. Проявления радикализации политического ислама в Дагестане начали специализированно изучаться в середине 1990-х гг. Среди первых исследователей проблемы упомянем В.О. Бобровникова [1], Э.Ф. Кисриева [2], Э.М. Зелымханова и К.М. Ханбабаева [3], Д.В. Макарова [4], К.И. Полякова [5]. Особен-

ности конфессиональных институтов ислама в Дагестане и их отношение к росту экстремизма и терроризма выясняли И.П. Добаев [6], А.К. Алиев, З.В. Арухов и К.М. Ханбабаев [7]. Тенденции развития религиозной идентичности и общественного мнения дагестанцев подвергли мониторингу З.В. Абдулагатов и М.М. Шахбанова [8; 9], Х.В. Дзуцев [10], М.М. Шульга [11]. Проявления терроризма исследовали С.Я. Суций [12, с. 219-228, 286-384], Л.Б. Внукова, Д.Д. Челпанова и И.В. Пашенко [13, с. 138-148]. Меры политики противодействия религиозному экстремизму оценивают В.А. Авксентьев, Д.А. Лавриненко и Э.Т. Майборода [14, с. 107-117, 162-183, 230-253], И.П. Добаев [15, с. 106-120].

Некоторые аналитики (И.В. Стародубровская, А.А. Ярлыкапов, эксперты «Кризисной группы») преувеличивают различия между умеренными и непримиримыми салафитами, предвзятно именуют экстремистов «преследуемыми оппозиционерами» [16, с. 198-199; 17, с. 628; 18]. Группа экспертов Института национальной стратегии даже предлагает, чтобы власть в Дагестане опиралась на «неофициальных мусульман» [19, с. 427-428]. Наименее изученные аспекты

темы – критика идеологических представлений террористического подполья, сравнение институтов и практик проявления политической субъектности основных течений ислама в Дагестане: «традиционного» ислама, суфийских тариқатов, салафитов, хизбутов. Анализ тенденций радикализации ислама в Дагестане на интервале 2013–2016 гг. во взаимосвязи с обоснованием противодействия терроризму проводился редко.

Цель статьи – установить субъектов, институты и новые проявления радикализации политического ислама в Дагестане за 2007–2016 гг.

Выбор географических пределов исследования объясняется тем, что именно дагестанское сообщество имеет наивысшую религиозность в постсоветской России, здесь совершается 50% зарегистрированных в стране террористических актов [20, с. 1098-1099]. Хронологические рамки выбраны с начала интернационализации конфессионального конфликта (образование террористической организации «Имарат Кавказ») по настоящее время.

Статья подготовлена на основе неинституционального подхода, позволяющего выявить состав и иерархию статусов субъектов политики, их ресурсную базу и организационное строение. Применена конструктивистская парадигма религиозности, что дало возможность раскрыть целеполагание и дискурсивную суть формируемой элитами исламской идентичности. Базовый термин «политический ислам» означает такую трактовку принципов и обрядов исламской религиозной системы, которая жёстко связывает нормативное поведение верующих с теократическим правлением и созданием всемирного халифата, придавая политический смысл неполитическим (религиозным) явлениям. Вместе с тем, политический ислам может проявляться с разной степенью радикальности своих методов, что зависит от объективных условий конкретного общества, от состава и интересов конфессиональной элиты. Рост радикальности политического ислама объясняется на основе теории политических возможностей [13, с. 94-95].

Источниковая основа статьи включает в себя: нормативно-правовые акты; результаты анкетных и экспертных опросов; статистику состава населения и зарегистрированных религиозных

организаций, уровня жизни и безработицы, преступлений террористической направленности.

Начнём исследование с оценки факторов специфики Дагестана. Ислам был принят в равнинной части региона ещё в VII в., но особое значение для распространения веры имела Кавказская война 1817–1864 гг., когда нагорный Дагестан стал центром теократического государства – имамата Шамиля. Даже в период советского атеизма сохранялись традиции повышенной религиозности (в сравнении с другими регионами распространения ислама). Действовали медресе, республика давала основной поток верующих, получавших высшее исламское образование. В итоге распада СССР вследствие массового выезда русских и других народов, традиционно исповедующих христианство, на 2010 г. мусульмане составили 94,6% верующих в Дагестане [21, с. 177]. В регионе доминирует шафиитский мазхаб (одна из четырех религиозно-правовых школ суннизма). По оценке З.М. Абдулагатова, шафииты насчитывают около 88,6% мусульман Дагестана, также представлены сторонники ханафизма – традиционно ногайцы [8, с. 16-17]. Но в постсоветский период возросло влияние ханбалитского мазхаба, а также «безмазхабных» общин, считающихся радикальными и имеющими близость с радикальным салафизмом. В Дагестане влиятельны суфийские тариқаты (братства): накшбандийя, кадирийя и шазилийя во главе со своими шейхами. По оценке Г.И. Юсуповой, 85% активных суфиев проживает на севере и западе республики [22, с. 213], причём руководство братств часто этнически однородно. Им непримиримо противостоят салафиты (в просторечии – «ваххабиты»), а также террористическая организация «Хизб ут-Тахрир аль-Исламийя». В полиэтничном Дагестане ислам отчасти интегрирует общество. Но исламские организации неоднородны идеологически, а также по географическому распространению и лояльности лидерам. Так, наиболее влиятельный суфийский шейх Саид-афанди Чиркейский, погибший от рук террористки, контролировал не более 50% суфийских общин (тариқатов накшбандийя и шазилийя). Авторитет Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД), по оценке А.А. Ярлыкапова, признает

только 1/2 верующих. Для салафитов и хизбутов существует только «чистый ислам», глобальный и не подчиняющийся традиционному духовенству [17, с. 618, 613].

Повышенный институциональный потенциал религиозных организаций в регионе очевиден. Органы Министерства юстиции РФ зарегистрировали на 29 июля 2016 г. в Республике Дагестан 784 религиозных организации, на 97% – исламских. Например, в Чечне их только 133 (при численности населения вдвое меньше) [23]. По государственной статистике, в 2012 г. в республике зарегистрировано свыше 2300 мечетей (для сравнения в Чечне – 600) [24, с. 182]. На 1 апреля 2015 г. действует 180 начальных школ при мечетях (мактабов), 29 учреждений среднего образования (медресе) с 1600 учащихся, а также 8 образовательных учреждений высшего религиозного образования (около 1200 студентов) [25]. За время после распада СССР (к началу 2013 г.) получили исламское образование за рубежом до 3 тыс. дагестанцев, что больше остальных регионов России (по расчетам З.М. Абдулагатова). Причём 48,9% образовательных эмигрантов обучались в частных заведениях, а 65% выезжали без ведома и поддержки ДУМД и российских религиозных организаций. 42,5% мужчин выезжали, скрывая намерения получить исламское образование. 22,4% выезжали по приглашению и при финансировании зарубежных организаций [8, с. 10-13]. Таким образом, зарубежное религиозное образование слабо контролируется «официальным» духовенством Дагестана и во многом служит каналом радикализации молодых верующих.

Выявим совокупность причин роста радикализма политического ислама. Эти факторы целесообразно сгруппировать на экономические, социальные, демографические, политические и социокультурные. Остаётся спорным соотношение, «удельный вес» причин, как и изменения их иерархии по мере развития. Так, авторы международного доклада «Северный Кавказ: сложности интеграции» [18] и И.В. Стародубровская [16, с. 148-149, 187] отводят первое место депрессивной социально-экономической ситуации и коррупции власти, а радикальный ислам считают лишь идеологической оболочкой

конфликта. Напротив, И.П. Добаев [6, с. 109-112] и С.Я. Суций [12, с. 286, 291, 379-380] доказывают ценностный и многосоставной характер конфликта.

С точки зрения экономики, Дагестан – один из хронически депрессивных субъектов федерации. Уровень валового регионального продукта (ВРП) на душу населения в 2014 г. ниже среднероссийского на 55,2%, республика занимает 74-е место в рейтинге [26]. Но следует учесть, что в теневой экономике региона занято 55% работников (2010 г.), а по оценке экспертов под руководством М.В. Ремизова – 75% (2012 г.) [12, с. 175-176; 19, с. 405]. Дагестан – один из лидеров в стране по распространенности коррупции. Это позволяет накапливать нелегальные доходы, отчасти идущие на финансирование террористического подполья. По сведениям директора ФСБ России А. Бортникова, за 2011 г. «боевики получили от запуганных местных предпринимателей порядка 100 млн. рублей», т.е. 2,5% дохода [27, с. 78; 17, с. 627].

Социальный фактор радикализации ислама – это значительный рост неравенства, воспринимаемый как несправедливость. По мнению Э.Ф. Кисриева, «имущественная дифференциация населения в Дагестане одна из самых высоких в России», 1 тыс. семей (0,3% населения региона) «владеют огромными средствами и определяют систему внутривосточных отношений в республике», а 5-7% жителей служат опорой высшей страте. Большая часть дагестанцев (около 70%) живёт в бедности [28, с. 143-153]. По данным Дагестанстата, численность безработных по критериям Международной организации труда составила в январе – мае 2015 г. 10,7% экономически активного населения, почти 1/3 безработных – младше 25 лет. В городах 39,1% безработных имеют высшее или среднее профессиональное образование [29]. Хуже всего ситуация на селе и в высокогорных южных районах.

Демографический фактор радикализации ислама состоит в повышенной рождаемости и межрегиональной миграции, что вызывает омоложение сообщества, меняет принятые в нём нормы и практики поведения. Население Дагестана выросло за 1989–2016 гг. с 1875 до 3016 тыс. чел. (на 60,9%) [30]. Лица в возрасте

от 15 до 30 лет составляют свыше 850 тыс. чел. (29,1% жителей республики) [31]. Ускоренная урбанизация не ведет к усвоению городских практик поведения. Наоборот, малоконтролируемый рост городов превращает их в «разросшиеся аулы». Миграционный отток в другие регионы России (57,6 тыс. выехавших за 2015 г.) [31] не решает проблему, так как ослабление традиционных форм контроля облегчает распространение среди мигрантов религиозного радикализма.

Политические причины роста экстремизма проявляются в низкой эффективности и клановости региональных органов власти. Рейтинг эффективности управления, исчисляемый Агентством политических и экономических исследований совместно с Высшей школой экономики, в 2015 г. отвел Дагестану 71-е место на основе экспертного опроса. В том числе, блок индикаторов политического управления составил 0,572 балла при верхнем экстремуме 1,000 [32]. Анкетный опрос молодёжи, проведённый Распределённым научным центром Минобрнауки РФ в 2013 г. (пропорциональная выборка 1800 чел. 18-30 лет), доказал, что в случае возникновения межнационального конфликта респонденты надеются на федеральную власть (30,0% ответов), на религиозных деятелей (23,4%), на родственников и друзей (23,9%) и только затем на руководство республики (17,1%). На последнем месте – надежда на лидеров политических партий и религиозных движений (2,7% ответов) [33, с. 88-90]. В Дагестане действует институциональная система полиюридизма: одновременно на основе законодательства и шариата. Как пишет Х.В. Дзуцев, «радикализация ислама в республиках СКФО – это вызов официальным властям, которые должны не просто соответствовать нормам ислама, но возникать, формироваться из элиты, санкционированной религиозными авторитетами; требование о перестройке не только социального, но и общественно-политического порядка на “исламских началах”» [10, с. 110].

Социокультурный фактор роста религиозного радикализма выявляется по анкетным опросам. Северо-Осетинский центр социальных исследований Института социально-политических исследований РАН провёл опрос (2009 г., стратифицированная квотная выборка 500 чел.

всех возрастов и национальностей). Желали бы жить «безусловно, в шариатском государстве» 2,4% опрошенных представителей «титовых» народов Дагестана, а жить «скорее, в шариатском государстве» – 18,1%. На вопрос «Как Вы относитесь к запрету на государственном уровне ваххабизма в Российской Федерации?» дали отрицательный ответ разной степени категоричности 9,0% респондентов, а 11,4% – уклонились от ответа [10, с. 112]. Итак, «группа риска» среди мусульман Дагестана составляла примерно 20%. Близкий уровень «истовых» мусульман (как всех возрастов, так и молодёжи) – 24% определяет С.Я. Суций [12, с. 384].

Важны результаты опроса молодёжи, проведённого отделом социологии Института археологии и этнологии Дагестанского научно-го центра (ИАЭ ДНЦ) РАН (2011 г., выборка 585 чел.). З.М. Абдулагатов и М.М. Шахбанова установили, что религиозная идентичность на первом месте (71,5% ответили «я – прежде всего мусульманин»), гражданская – на втором (59,9%), региональная («я дагестанец») – на третьем (42,5%), этническая – на четвертом (13,7%). За 1999 – 2011 гг. исламская идентификация выросла с 22,5 до 71,5% при менее впечатляющем росте гражданской и региональной идентификаций [9, с. 256-261]. При опросе 2011 г. пожелали «родиться в исламском государстве, где люди живут по законам шариата», 37,1% всех респондентов и 49,6% считающих себя, прежде всего, мусульманами [34, с. 266-267].

Важный аспект – насколько рост религиозности молодёжи связан с увеличением межэтнической и конфессиональной отчуждённости. По исследованию ИАЭ ДНЦ РАН в 2011 г., выбрали русских в качестве соседей для проживания «вдали от своего народа» 14,4% всех молодых дагестанцев и 11,2% назвавших себя «прежде всего, мусульманами». Наименьшее желание жить в соседстве с русскими выразили учащиеся исламских образовательных заведений, подвыборка мусульман в целом, а также когорты в возрасте 15-18 лет [34, с. 268-269]. Анкетный опрос 2014 г. (выборка 855 чел. от 15 до 30 лет), проведённый тем же учреждением, выяснил: причиной оттока русских из Дагестана 40,3% респондентов назвали плохое отношение

к людям другой веры. 53,5% полагают, что «русские уезжают из Дагестана, опасаясь возможных этнических и религиозных конфликтов». 13,3% опрошенных указывали на различия обычаев и культуры [9, с. 256-257]. При измерении межэтнических дистанций по шкале Э. Богардуса наибольшую обособленность от других народов выразили учащиеся медресе (6,8 баллов при среднем уровне по выборке 3,7), студенты исламских вузов (5,0), духовные лица (4,5 балла) [9, с. 265-266].

Более фокусированный опрос проведён З.М. Абдулагатовым среди дагестанцев, получивших исламское образование за рубежом (54,8% выборки – молодёжь). Фактор риска радикализма – 27,1% респондентов считают, будто «в зарубежных исламских образовательных учреждениях, в отличие от российских, дают знания об истинном исламе» [8, с. 15]. Наиболее склонны так считать ханбалиты и «безмазхабные» мусульмане. Они же наиболее критично оценивают преподавание в исламских образовательных учреждениях Дагестана. Около половины всех опрошенных считают суфиев не истинными мусульманами, а «заблудшими». Так считают 57,1% «безмазхабных» и 100% ханбалитов [8, с. 16-17]. Мотивы ухода в террористическое подполье в основном прагматичные. Опрос 2010 г. (выборка 574 чел. младше 30 лет) доказал: на первом месте «желание заработать» – 34,4%, далее – неосознанные мотивы и «желание стать сильным, романтика» – 33,1%, необходимость «содержать себя, семью» – 10,5%. И только 7,8% молодых респондентов назвали «защиту истинного ислама», а 4,4% – «защиту социальной справедливости» [35, с. 181]. Следует разоблачить и миф о бедности как основе религиозного экстремизма. Известны примеры террористов А. Мантаева и Я. Расулова, первый из них окончил Дипломатическую академию и защитил кандидатскую диссертацию. Итак, в Дагестане социокультурная основа политизации ислама существует и воспроизводится. Объединяющей идейной и организационной структурой с конца 1990-х гг. выступает радикальный ислам в формах салафизма и «безмазхабных» течений.

Исследуем динамику проявлений терроризма под религиозным обоснованием. Салафит-

ские структуры были организованы в Дагестане с начала 1990-х гг. при финансовой и организационной поддержке Саудовской Аравии и стран Персидского залива. Определились их институциональные формы: молодёжные джамааты, медресе и высшие исламские учебные заведения, лидер – Магомед Кизилюртовский, впоследствии – Б. Магомедов и А. Ахтаев. В 1994–1999 гг. усиливаются контакты радикалов Чечни и Дагестана. Свыше 70% салафитов концентрировались в 11 из 42 районов республики, а сёла Кармахи и Чабанмахи на юго-западе Дагестана в 1999 г. объявили «исламское правление» [12, с. 226]. Но попытка экспансии салафитов из сепаратистской Чечни в Дагестан (лето 1999 г.) завершилась провалом. Восстановление российского суверенитета над Чечней привело к перетоку террористического подполья в другие республики, прежде всего – в Дагестан, к принятию бандами и их пособниками сетевого принципа строения.

Этап относительно обособленного роста экстремизма заканчивается в 2007 г., когда была создана сетевая террористическая структура «Имарат Кавказ» во главе с Д. Умаровым, а Дагестан объявлен её вилайетом (провинцией). Речь шла о создании параллельных структур власти. Расчёты С.Я. Суция демонстрируют, что количество терактов в Дагестане постоянно росло с 55 в 2006 г. до 390 в 2010 г., а удельный вес республики среди терактов на Северном Кавказе увеличился с 10% до 42,7%. В 2011–2013 гг. Дагестан давал 57-60% терактов в СКФО, причём 80% дагестанских терактов совершались в 7 районах республики из 42. Количество террористов оценивается экспертами в 350-400 чел., большинство из них младше 30 лет и состав полностью обновляется за 1-2 года вследствие боевых потерь [12, с. 288-289, 323-325; 13, с. 140-141, 147]. На Дагестан приходилось 65,7-70,3% убитых и раненых мирных жителей СКФО за 2011 – 2012 гг. [24, с. 66-67].

По расчётам Л.Б. Внуковой, за 2013 – первую половину 2015 гг. в Дагестане удалось снизить количество терактов в 3,4 раза, а удельный вес республики в терактах на территории СКФО уменьшить с 60 до 50% [36, с. 89-91]. Это стало следствием успешных контртеррористических операций, в том числе – ликвидации эмира

«Имарата Кавказ» Д. Умарова и его преемника М. Кебекова. Вместе с тем, «вилайят Дагестан» летом 2015 г. присягнул запрещенной в России террористической организации «Исламское государство» [37]. По оценке МВД Республики Дагестан, в Сирии на стороне террористических группировок воюют почти 900 жителей региона (декабрь 2015 г.) [38], что создаёт новые угрозы интернационализации конфликта.

Спад террористической активности привел радикалов к новым формам действий. Так, растёт распространение пропаганды «интернет-имамов» в социальных сетях и на интернет-форумах. Весной 2013 г. в Махачкале впервые состоялись массовые митинги запрещенной в РФ партии «Хизб ут-Тахрир аль-Исламийя» с призывами установить шариатское правление и отказаться от поддержки Россией законных властей Сирии. Участились конфликты между суфиями и салафитами на почве обладания мечетями. Для распространения радикализма используются общественные организации, например, движение «Матери Дагестана» [39, с. 60, 68-70; 15, с. 117-118]. Базы банд размещены в горных местностях.

Перейдём к анализу политики противодействия религиозному экстремизму в Дагестане. Организационная структура органов исполнительной власти включает в себя Министерство по национальной политике, а также Комитет по свободе совести, взаимодействию с религиозными организациями Республики Дагестан. В составе Народного Собрания РД работает Комитет по международным отношениям, делам общественных и религиозных объединений. Действует республиканская и районные антитеррористические комиссии, координирующие усилия компетентных органов власти. 30 апреля 2015 г. Правительство РД приняло государственную программу «Реализация Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в Республике Дагестан на 2015–2017 годы» [40]. Позитивной тенденцией стало создание в 2010 г. комиссии РД по адаптации бывших экстремистов к мирной жизни (в 2013 г. преобразованной в комиссию по примирению и согласию). За 2010–2012 гг. комиссия добилась адаптации 23 чел. [13, с. 148]. Стали вестись переговоры между ДУМД и «Ассоциацией ученых Ахлю-Сунна», выражающей

взгляды относительно умеренного крыла салафитов. Его идеолог А. Кебеков был включен в состав комиссии по адаптации.

Сделаем выводы. Субъектами радикализации политического ислама в Дагестане выступают: региональные правящие элиты, традиционное духовенство, суфийские религиозные братства, салафитские сообщества, террористические организации. Несмотря на долгосрочные конфликты интересов и ценностей, между субъектами радикализации идет обмен политическими ресурсами. Рост религиозности позволяет направлять иные конфликты (за распределение власти и собственности) в ценностное русло, создавать преобладающую ось многосоставного конфликта.

Выявлен преимущественно сетевой тип институционализации политического ислама в деятельности религиозных организаций. Определены новые проявления радикализации политического ислама в 2007–2016 гг.: транснационализация террористических группировок, размежевание умеренных и радикальных салафитов, рост влияния террористической организации «Хизб ут-Тахрир». Причинно-следственные взаимосвязи факторов радикализации ислама в Дагестане таковы: вследствие низкого уровня экономического развития и качества жизни, безработицы, коррупции и клановости сохраняется отчуждение населения от коррумпированных органов власти. Слабая осведомленность верующих, особенно молодёжи, о социальной доктрине ислама, позволяет успешно действовать радикальным группировкам салафитов и «безмазхабных» мусульман, хизбутов, получающих поддержку из стран Ближнего Востока.

Эффективное противодействие религиозному экстремизму требует: последовательно вести секулярный, равноудалённый от внутриисламских течений курс политики; усилить программы профилактики молодёжного экстремизма; повысить ресурсное обеспечение интернет-ресурсов, разоблачающих терроризм. Важен постоянный переговорный процесс органов государственной власти со всеми религиозными течениями, не престаупающими грань закона, направленный на размежевание умеренных и радикальных организаций исламской оппозиции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие (Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана). М.: Восточная литература РАН, 2002. 368 с.
2. Кисриев Э.Ф. Ислам и власть в Дагестане. М.: О.Г.И., 2004. 224 с.
3. Зелымханов Э.М., Ханбабаев К.М. Политизация ислама на Северном Кавказе (на примере Дагестана и Чечни). Махачкала: Изд-во ДГПУ, 2000. 144 с.
4. Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М.: Ин-т востоковед. РАН, 2000. 84 с.
5. Поляков К.И. Арабский Восток и Россия: проблема исламского фундаментализма. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 160 с.
6. Добаев И.П. Терроризм и антитеррористическая деятельность на Юге России. М.; Ростов н/Д: Социально-гуманитарные знания, 2011. 188 с.
7. Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М.: Наука, 2007. 583 с.
8. Абдулагатов З.М. Дагестанцы в зарубежных исламских образовательных сетях // Черноморско-Каспийский регион: геополитика, этнополитические процессы и межрегиональные взаимодействия: сб. науч. ст. М.: Росс. ин-т стратегич. исслед., 2015. С. 7-22.
9. Абдулагатов З.М., Шахбанова М.М. Межэтническое согласие в Республике Дагестан: состояние и современные тенденции (по результатам социологических опросов) // Черноморско-Каспийский регион: геополитика, этнополитические процессы и межрегиональные взаимодействия: сб. науч. ст. М.: Рос. ин-т стратегич. исслед., 2015. С. 249-267.
10. Дзудцев Х.В. Ваххабизм в республиках Северного Кавказа Российской Федерации: реалии и последствия // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 107-114.
11. Шульга М.М. Образы Родины как индикатор ценностных установок региональной молодежи // Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития. Материалы Всерос. науч. конф. (18-19 сент. 2014 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 141-145.
12. Суций С.Я. Северный Кавказ: реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. М.: ЛЕНАНД, 2013. 432 с.
13. Внукова Л.Б., Челпанова Д.Д., Пашенко И.В. Социально-политическая напряжённость в полиэтничном регионе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 192 с.
14. Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / под ред. Г.Г. Матишова, Н.И. Голубевой, В.А. Авксентьева. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 328 с.
15. Добаев И.П. Причины и основные направления политизации и радикализации ислама в Российской Федерации // Черноморско-Каспийский регион: геополитика, этнополитические процессы и межрегиональные взаимодействия: сб. науч. ст. М.: Росс. ин-т стратегич. исслед., 2015. С. 106-120.
16. Соколов Д.В., Стародубровская И.В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2013. 280 с.
17. Ярлыкапов А.А. Ислам и конфликт на Кавказе: направления, течения, религиозно-политические взгляды // Этничность и религия в современных конфликтах. М.: Наука, 2012. С. 607-629.
18. Северный Кавказ: сложности интеграции. – См. – URL: <http://www.crisisgroup.org/~media/Files/europe/caucasus/Russian%20translations/221-the-north-caucasus-the-challenges-of-integration-ii-islam-the-insurgency-and-counter-insurgency-russian.pdf> (дата обращения 21.01.2013)
19. Бутаков Я.А., Епифанцев А.А., Маркедонов С.М. и др. Карта этнорелигиозных угроз // Неединая Россия. Доклады по этнополитике / под ред. М.В. Ремизова. М.: Ин-т нац. стратегии; Книжный мир, 2015. С. 358-478.
20. Лебедев В.С. Институциональные основы политизации ислама в Чечне и Дагестане // Политика и общество. 2015. № 8. С. 1088-1092.
21. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. – См. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 21.06.2016)
22. Юсупова Г.И. Суфийская традиция в Дагестане // Дагестан и дагестанцы: взгляд на себя. М.: РОС-СПЭН, 2013. С. 205-215.
23. Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях. – См. – URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (дата обращения 04.08.2016)

24. Матишов Г.Г., Пашенко И.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. Т. VI. 200 с.
25. Информация о состоянии религиозного образования в Республике Дагестан на 1 апреля 2015 г. – См. – URL: <http://president.e-dag.ru/respublika/2013-03-24-22-59-21/111222111222132> (дата обращения 29.06.2016)
26. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2015 г. – См. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm (дата обращения 29.07.2016)
27. Новик А. Как спасти души, заблудшие в дебрях терроризма. – См. – URL: www.peacekeeper.ru/ru/?module=news&action=view&id=13266 (дата обращения 21.04.2013)
28. Кисриев Э.Ф. Дагестан: причины конфликтов и факторы стабильности // Центральная Азия и Кавказ. Лулео, 2000. № 4 (10). С. 143-153.
29. Занятость и безработица населения Республики Дагестан в январе-мае 2015 г. – См. – URL: http://dagstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/dagstat/resources/01a9f804580eac8bf4bffe7d6b68498/ (дата обращения 29.07.2016)
30. Численность постоянного населения Республики Дагестан на 1 января 2016 г. – См. – URL: http://dagstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/dagstat/resources/3e2825004c4ace3fad8bf7dff7d05ed/ (дата обращения 29.07.2016)
31. Население Республики Дагестан по возрасту и полу. – См. – URL: http://dagstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/dagstat/ru/statistics/population/ (дата обращения 29.07.2016)
32. Орлов Д., Туровский Р. Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2015 году. – См. – URL: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=2362 (дата обращения 02.08.2016)
33. Молодёжь в полиэтничных регионах Северо-Кавказского федерального округа. Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, М.А. Аствацатурова, В.В. Степанов. Пятигорск: Изд-во Пятигорск. гос. лингвист. ун-та, 2014. 101 с.
34. Абдулагатов З.М., Шахбанова М.М. Современное состояние патриотического сознания дагестанской молодёжи // Дагестан и дагестанцы: взгляд на себя. Сб. статей. М.: РОССПЭН, 2013. С. 254-269.
35. Абдулагатов З.М. Особенности социализации современной молодёжи и социальные деформации в молодёжной среде (на примере Республики Дагестан). Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2011. 208 с.
36. Внукова Л.Б. Динамика криминально-террористической активности в СКФО и трансформация бандподполья (2013 г. – июнь 2015 г.) // Проблемы полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья. Сб. статей. Ростов н/Д, 2015. С. 89-95.
37. ИГ объявило о присяге всех боевиков Северного Кавказа аль Багдади. 23.06.2015. – См. – URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/264409/> (дата обращения: 05.07.2015).
38. Гавриленко А. МВД: Почти тысяча дагестанцев уехали воевать в Сирию // Российская газета. 2015. 10 декабря.
39. Состояние межэтнических отношений и религиозная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа (второе полугодие 2015 года). Экспертный доклад / под ред. В.А. Тишкова. М.; Пятигорск; Ставрополь: Изд-во Пятигор. гос. лингвист. ун-та, 2015. 141 с.
40. Государственная программа Республики Дагестан «Реализация Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» в Республике Дагестан на 2015–2017 годы»: Утверждена постановлением Правительства Республики Дагестан от 30 апреля 2015 года № 129 (в редакции Постановлений Правительства Республики Дагестан от 19.01.2016 № 7, от 28.04.2016 № 118). – См. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/428549953> (дата обращения 03.08.2016)

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bobrovnikov V.O. Musul'mane Severnogo Kavkaza: obychai, pravo, nasilie (Ocherki po istorii i etnografii prava Nagornogo Dagestana). М.: Vostochnaya literatura RAN, 2002. 368 s.
2. Kisriev E.F. Islam i vlast' v Dagestane. М.: O.G.I., 2004. 224 s.
3. Zelimkhanov E.M., Khanbabaev K.M. Politizatsiya islama na Severnom Kavkaze (na primere Dagestana i Chechni). Makhachkala: Izd-vo DGPU, 2000. 144 s.
4. Makarov D.V. Ofitsial'nyi i neofitsial'nyi islam v Dagestane. М.: In-t vostokoved. RAN, 2000. 84 s.
5. Polyakov K.I. Arabskii Vostok i Rossiya: problema islamskogo fundamentalizma. М.: Editorial URSS, 2001. 160 s.

6. Dobaev I.P. *Terrorizm i antiterroristicheskaya deyatel'nost' na Yuge Rossii*. M.; Rostov n/D: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, 2011. 188 s.
7. Aliev A.K., Arukhov Z.S., Khanbabaev K.M. *Religiozno-politicheskii ekstremizm i etnokonfessional'naya tolerantnost' na Severnom Kavkaze*. M.: Nauka, 2007. 583 s.
8. Abdulagatov Z.M. *Dagestansy v zarubezhnykh islamskikh obrazovatel'nykh setyakh // Chernomorsko-Kaspiiskii region: geopolitika, etnopoliticheskie protsessy i mezhregional'nye vzaimodeistviya: sb. nauch. st. M.: Ross. in-t strategich. issled., 2015. S. 7-22.*
9. Abdulagatov Z.M., Shakhbanova M.M. *Mezhetnicheskoe soglasie v Respublike Dagestan: sostoyanie i sovremennye tendentsii (po rezul'tatam sotsiologicheskikh oprosov) // Chernomorsko-Kaspiiskii region: geopolitika, etnopoliticheskie protsessy i mezhregional'nye vzaimodeistviya: sb. nauch. st. M.: Ros. in-t strategich. issled., 2015. S. 249-267.*
10. Dzutsev Kh.V. *Vakhkhabizm v respublikakh Severnogo Kavkaza Rossiiskoi Federatsii: realii i posledstviya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2011. № 8. S. 107-114.*
11. Shul'ga M.M. *Obrazy Rodiny kak indikator tsennostnykh ustanovok regional'noi molodezhi // Modernizatsiya polietnichnogo makroregiona i sopredel'nykh gosudarstv: opyt, problemy, stsennarii razvitiya. Materialy Vseros. nauch. konf. (18-19 sent. 2014 g.). Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2014. S. 141-145.*
12. Sushchii S.Ya. *Severnyi Kavkaz: realii, problemy, perspektivy pervoi treti XXI veka*. M.: LENAND, 2013. 432 s.
13. Vnukova L.B., Chelpanova D.D., Pashchenko I.V. *Sotsial'no-politicheskaya napryazhennost' v polietnichnom regione*. Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2014. 192 s.
14. *Yug Rossii v zerkale konfliktologicheskoi ekspertizy / pod red. G.G. Matishova, N.I. Golubevoi, V.A. Avksent'eva*. Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2011. 328 s.
15. Dobaev I.P. *Prichiny i osnovnye napravleniya politizatsii i radikalizatsii islama v Rossiiskoi Federatsii // Chernomorsko-Kaspiiskii region: geopolitika, etnopoliticheskie protsessy i mezhregional'nye vzaimodeistviya: sb. nauch. st. M.: Ross. in-t strategich. issled., 2015. S. 106-120.*
16. Sokolov D.V., Starodubrovskaya I.V. *Istoki konfliktov na Severnom Kavkaze*. M.: Izd. dom «Delo» RANKhiGS, 2013. 280 s.
17. Yarlykapov A.A. *Islam i konflikt na Kavkaze: napravleniya, techeniya, religiozno-politicheskie vzglyady // Etnichnost' i religiya v sovremennykh konfliktakh*. M.: Nauka, 2012. S. 607–629.
18. *Severnyi Kavkaz: slozhnosti integratsii*. – Sm. – URL: <http://www.crisisgroup.org/~media/Files/europe/caucasus/Russian%20translations/221-the-north-caucasus-the-challenges-of-integration-ii-islam-the-insurgency-and-counter-insurgency-russian.pdf> (data obrashcheniya 21.01.2013)
19. Butakov Ya.A., Epifantsev A.A., Markedonov S.M. i dr. *Karta etnoreligioznykh ugroz // Needinaya Rossiya. Doklady po etnopolitike / pod red. M.V. Remizova*. M.: In-t nats. strategii; Knizhnyi mir, 2015. S. 358-478.
20. Lebedev V.S. *Institutsional'nye osnovy politizatsii islama v Chechne i Dagestane // Politika i obshchestvo. 2015. № 8. S. 1088-1092.*
21. *Informatsionnye materialy ob okonchatel'nykh itogakh Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda*. – Sm. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi_1612.htm (data obrashcheniya 21.06.2016)
22. Yusupova G.I. *Sufiiskaya traditsiya v Dagestane // Dagestan i dage-stantsy: vzglyad na sebya*. M.: ROSSPEN, 2013. S. 205-215.
23. *Informatsiya o zaregistrirrovannykh nekommercheskikh organizatsiyakh*. – Sm. – URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (data obrashcheniya 04.08.2016)
24. Matishov G.G., Pashchenko I.V. *Atlas sotsial'no-politicheskikh problem, ugroz i riskov Yuga Rossii*. Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2013. T. VI. 200 c.
25. *Informatsiya o sostoyanii religioznogo obrazovaniya v Respublike Dagestan na 1 aprelya 2015 g.* – Sm. – URL: <http://president.e-dag.ru/respublika/2013-03-24-22-59-21/111222111222132> (data obrashcheniya 29.06.2016)
26. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli – 2015 g.* – Sm. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm (data obrashcheniya 29.07.2016)
27. Novik A. *Kak spasti dushi, zabludshie v debryakh terrorizma*. – Sm. – URL: www.peacekeeper.ru/ru/?module=news&action=view&id=13266 (data obrashcheniya 21.04.2013)
28. Kisriev E.F. *Dagestan: prichiny konfliktov i faktory stabil'nosti // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. Luleo, 2000. № 4 (10). S. 143-153.
29. *Zanyatost' i bezrobotitsa naseleniya Respubliki Dagestan v yanvare-mae 2015 g.* – Sm. – URL: http://dagstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/dagstat/resources/01a9f804580eac8bf4bffe7d6b68498/ (data obrashcheniya 29.07.2016)

30. Chislennost' postoyannogo naseleniya Respubliki Dagestan na 1 yanvarya 2016 g. – Sm. – URL: http://dagstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/dagstat/resources/3e2825004c4ace3fad8bf7dff7d05ed/ (data obrashcheniya 29.07.2016)
31. Naselenie Respubliki Dagestan po vozrastu i polu. – Sm. – URL: http://dagstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/dagstat/ru/statistics/population/ (data obrashcheniya 29.07.2016)
32. Orlov D., Turovskii R. Reiting effektivnosti upravleniya v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii v 2015 godu. – Sm. – URL: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=2362 (data obrashcheniya 02.08.2016)
33. Molodezh' v polietnichnykh regionakh Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga. Ekspertnyi doklad / red. V.A. Tishkov, M.A. Astvatsaturova, V.V. Stepanov. Pyatigorsk: Izd-vo Pyatigorsk. gos. lingvist. un-ta, 2014. 101 s.
34. Abdulagatov Z.M., Shakhbanova M.M. Sovremennoe sostoyanie patrioticheskogo soznaniya dagestanskoi molodezhi // Dagestan i dagestantsy: vzglyad na sebya. Sb. statei. M.: ROSSPEN, 2013. S. 254-269.
35. Abdulagatov Z.M. Osobennosti sotsializatsii sovremennoi molodezhi i sotsial'nye deformatsii v molodezhnoi srede (na primere Respubliki Dagestan). Makhachkala: In-t istorii, arkheologii i etnografii DNTs RAN, 2011. 208 s.
36. Vnukova L.B. Dinamika kriminal'no-terroristicheskoi aktivnosti v SKFO i transformatsiya bandpodpol'ya (2013 g. – iyun' 2015 g.) // Problemy polietnichnogo makroregiona v usloviyakh destabilizatsii Kaspiisko-Chernomorskogo zarubezh'ya. Sb. statei. Rostov n/D, 2015. S. 89-95.
37. IG ob'yavilo o prislyage vseh boevikov Severnogo Kavkaza al' Bagdadi. 23.06.2015. – Sm. – URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/264409/> (data obrashcheniya: 05.07.2015).
38. Gavrilenko A. MVD: Pochti tysyacha dagestantsev uekhali voevat' v Siriyu // Rossiiskaya gazeta. 2015. 10 dekabrya.
39. Sostoyanie mezhetnicheskikh otnoshenii i religioznaya situatsiya v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga (vtoroe polugodie 2015 goda). Ekspertnyi doklad / pod red. V.A. Tishkova. M.; Pyatigorsk; Stavropol': Izd-vo Pyatigor. gos. lingvist. un-ta, 2015. 141 s.
40. Gosudarstvennaya programma Respubliki Dagestan «Realizatsiya Strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda» v Respublike Dagestan na 2015–2017 gody»: Uтверждена постановлением Правитель'stva Respubliki Dagestan ot 30 aprelya 2015 goda № 129 (v redaktsii Postanovlenii Pravitel'stva Respubliki Dagestan ot 19.01.2016 № 7, ot 28.04.2016 № 118). – Sm. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/428549953> (data obrashcheniya 03.08.2016)